

Ирек Сайфиев

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Что забыл коренной горожанин Игорь Козлов в этой глухой деревеньке? Чем же приворожила она его?

- Приехал в первый раз в Ханинеевку и понял - век мне тут вековать, - признался Игорь. - Такая красотища вокруг! Тишина, покой. А люди такие добрые, открытые.

Обычно подобных восторгов от сельской идиллии у горожан хватает на недельку-другую, а то и до первого дождичка, размочившего дороги. И мечта об асфальте, по которому можно в любую погоду каблучками - тук-тук, - быстро заслоняет и чистоту воздуха, и запах парного молока, и пенье петухов по утрам, и прочую деревенскую экзотику. Словом, горожане в селе не приживаются.

Новая Ханинеевка - деревня, коих на Руси великое множество. Сотня дворов, магазин, клуб с библиотекой, медпункт. Была школа, был детский садик, но закрыли их недавно "из-за нехватки контингента".

Мы шли по безлюдным улицам Ханинеевки, словно уснувшей летаргическим сном. Ни машина не проедет, ни голосов не слышно. Краснеют гроздья рябины в палисадах, ветерок шуршит опавшей листвой. Поворот - и останав-

ливаешься словно замороженный. Как в волшебной сказке, возникает перед взором церквушка красоты неопишуемой. Золотые купола отражаются на глади пруда, от храма исходит удивительное сияние. И все тут дышит Вечностью.

Игорь Козлов наслаждается произведенным на нас эффектом.

- Вот и я так же, как и вы, увидел и остановился, как вкопанный, когда увидел эту церковь, и остался тут из-за нее. Хотелось руки свои приложить, чтобы снова она заиграла...

Вот, оказывается, в чем секрет силы притяжения Новой Ханинеевки для горожанина Игоря Козлова.

Он повел нас к Николаю Павловичу Макарычеву, старожилу местному.

- Занятый человек, - объяснял нам Игорь по дороге. - Такие люди сейчас - редкость. Впрочем, сами убедитесь.

Николай Павлович с женой своей Анной Федоровной шинковали капусту на зиму. Оторвались по случаю гостей от занятия, пригласили в горницу. Дома у стариков стоит яблочный дух, сени завалены огромными тыквами, связками красного перца, рассыпаны на рогожке для просушки

лук, чеснок.

- К зиме готовимся, - говорит хозяйка. - У нас все свое: и картошка, и соленья, и варенья.

Хозяин всю жизнь проработал тут агрономом, теперь на пенсии. Хозяйка тоже засушила отдых, но не тут, в деревне, а на Барышской швейной фабрике, куда 40 лет пешком ходила на работу.

Николай Павлович давно уже стал сельским краеведом, местным историком. А началось все с того, что, вернувшись с войны, заглянул с другом-фронтовиком Николаем Лизуновым в церковь. Там среди разного хлама обнаружил книжку в толстом переплете. Принес домой и стал читать. Оказалось, что один из сельских священников еще в прошлом веке стал писать историю села, потом книжка перешла, по всей видимости, к его преемнику, и тот продолжил. Последняя запись обрывалась 1924 годом.

- Тогда, старики рассказывали, попа куда-то увезли, а церковь закрыли, - рассказывает Макарычев. - Потом, когда колхозы начались, храм сначала под сушку зерна использовали, потом тут овец держали. В войну тут был "глубинный" заготпункт - зерно возили и хранили, а после войны - под эмтээсовские склады оборудовали. Запустение было полнейшее,

иконы и утварь разграбили, роспись на стенах изгадили.

- Да уж, поиздевались над храмом, - вздыхает Анна Федоровна. - Когда несколько лет назад мы с бабами расчищать тут стали - столько всякого хлама вывезли - трех машин не хватило!

Николай Павлович в партийных ходил, даже секретарем парторганизации в совхозе работал. Но это не мешало ему продолжать заполнять ту найденную им книжку новыми событиями и фактами. Написал, как колхозы тут создавались, как они то объединялись, то разъединялись, а в конце концов вошли в состав совхоза "Водорацкий". Но и там пробыли недолго - снова отошли и организовали совхоз "Новый". Это было уже при перестройке.

- Ломаем, строим, опять ломаем - и опять строим, - Николай Павлович сокрушенно качает головой. - Вот вчера в магазин за хлебом ходил, бабы на чем свет стоит жизнь ругают. А я и говорю, чтоб немного успокоить: в войну, мол, тяжелее было, но и то выстояли. А соседка возьми да скажи: "Войны они когда-нибудь да кончаются, а этим перестройкам-реформам нет конца". А мне сказать ей в ответ нечего, срезала меня, и все.

Николай Павлович на все руки мастер. Дома вся мебель им сделанная и переделаная. Даже магазинные обычные круглые часы в такую резную раму вписал - залюбуешься. Когда церковь восстанавливать стали, пришли к нему старики и попросили принять на себя хлопоты по возрождению храма. "Ты, - говорили, - хотя и партийный, но совестливый мужик и с понятием".

Согласился Макарычев. Сам трудился - вырезал деревянные опоры, колонны, и народ ему помогал. На освящение храма Анна Федоровна собственноручно хоругви и покрывало на аналой сшила.

...А была на месте этой церкви когда-то деревянная, построенная барыней Ханинеевой еще в начале 1700-х годов. Сгорела она вместе

со всем селом в 1883 году. На пепелище народ стал возрождать село, а тут и помещик Волков задумал о себе память оставить потомкам - заложил храм в честь Николая Угодника.

Стройка затянулась, и только в 1898 году состоялась тут первая служба. Сам Волков до этого события не дождался.

А еще есть в той летописи рассказ о том, как в Ханинеевке водопровод деревянный построили. По деревянным трубам, проложенным от родника на склоне горы, и поныне течет чистая вода к таким же деревянным колонкам. Лет двадцать назад построили тут новый, "цивильный" водопровод. Но тот скоро вышел из строя, да и вода по железным трубам шла ржавая, неприятная. А этот, деревянный, все еще служит и служить еще будет.

- Только вот в совхозе сейчас дела не очень ладятся, - сокрушаются Макарычевы. - Оттого, что и по всей России так же, нам не легче.

... Игорь Козлов всю поездку сопровождал нас. Человек он сейчас, можно сказать свободный. Пасеки, в которой он трудился, сейчас уже нет. Устроился при церкви: тут он и завхоз, и староста, и сторож.

- Ну я уеду, другой уедет - кто

же останется? - рассуждает он сам с собой. - Жить будем здесь, жизнь новую налаживать.

... Доехав до большака, мы оглянулись. Село уже скрылось за поворотом, и только над голыми кронами деревьев высились купола. Было тихо. И вдруг раздался по округе звон колоколов, и было в том медодичном звуке величие, ясность была и надежда.

Фото А.Жданова

